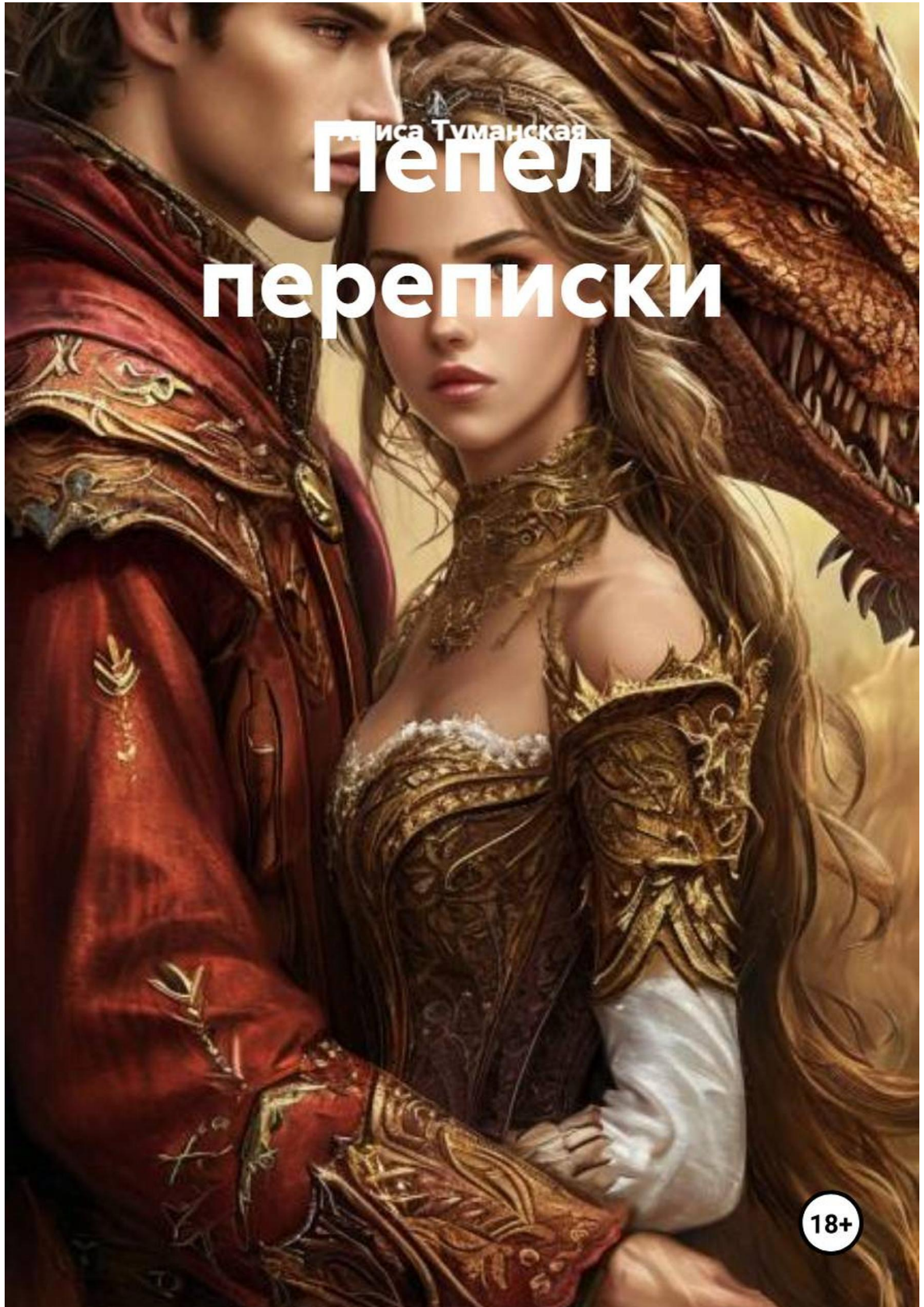

The book cover features a detailed illustration of a man and a woman in medieval-style fantasy attire. The man, on the left, has dark hair and is wearing a red robe with gold embroidery. The woman, in the center, has long blonde hair and wears a gold and white dress with a high collar. To their right, the head of a large, scaly dragon is visible, looking towards them. The background is a warm, golden-yellow color.

Галиса Туманская

Пепел

переписки

18+

Алиса Туманская

Пепел переписки

«Автор»

2026

Туманская А.

Пепел переписки / А. Туманская — «Автор», 2026

Два принца и одна принцесса. Любовный треугольник. Она любит младшего из братьев, но судьба не благоволит им. Их ждет много приключений и драконы.

© Туманская А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Туманская

Пепел переписки

Глава 1

Королевство Жавания славилось белыми скалами, синим шёлком и самым старым университетом на континенте. Королевство Боптия — железными рудниками, древними библиотеками и вечными туманами. Такие разные, а граничат друг с другом — вот как бывает.

Раз в пять лет на нейтральной земле, в городе Срединные Врата, проводилась Ярмарка Пяти Ветров. Короли заключали союзы, купцы — сделки, а молодые принцы и принцессы искали невест и женихов, потому что на ярмарке можно было снять маски и говорить правду. Ну, или хотя бы попытаться.

Принцессе Риллан Жаванской было шестнадцать лет. Она уже вела торговые переговоры вместо уставшего отца, переводила с мёртвого языка трактаты о древних ядах и мечтала только об одном — чтобы её не выдали замуж за старого герцога с юга, который уже трижды похоронил жён. И каждый раз при подозрительных обстоятельствах, но кто ж проверял.

На ярмарку она приехала в маске синей лисицы — традиция Жавании требовала скрывать лицо до первого танца. Её сопровождала фрейлина леди Эстель, её сводная сестра, тайный плод любви короля Эдвина и прачки. Эстель была старше на десять лет, бездетна и зла на весь мир за своё незаконное происхождение. Она никогда не упускала случая напомнить Риллан, что та — законная, а значит, обязана страдать вдвойне. (Может, она завидовала. А может, просто не умела иначе.)

Принц Гантр Боптийский приехал без маски. Боптия презирала личины — считала их трусостью. Ему было двадцать лет, он был младшим сыном короля Теодрика и не имел шансов на трон — что его вполне устраивало. Он любил поэзию, древние карты и тихие библиотечные залы. Единственное, чего он боялся, — это стать таким, как его старший брат Сиор. Сиор тоже был на ярмарке. Ему было двадцать пять, он носил шрам через всё лицо — в пятнадцать лет он подставил младшего брата под учебный меч, и Гантр до сих пор помнил, как кровь заливала глаза. Сиор не извинился. Он сказал: «Ты жив. Чего ещё надо?»

Риллан и Гантр встретились в библиотеке ярмарочного дворца. Она искала книгу о ядах. Он — карту северных земель. Их пальцы коснулись одного корешка.

— Простите, — сказала она.

— Не извиняйтесь, — ответил он. — Вы пахнете дождём и запрещёнными книгами.

— А вы — железом и тем, что не решаетесь сказать.

Он улыбнулся. Она улыбнулась под маской. Они танцевали один танец на вечернем балу и он попросил её не снимать маску, потому что «таинственность идёт вам больше, чем правда».

На следующий день он подарил ей кинжал. Короткий, изогнутый, на рукояти которого была выгравирована лилия.

— Даже если нас разлучат стены, — сказал Гантр, — этот клинок напомнит: ты свободна. Она не знала тогда, что эти слова станут её молитвой на три долгих года. Кто ж знает.

Глава 2

Они виделись ещё трижды. Через год на той же ярмарке. Через полтора на похоронах какой-то общей родственницы, где им разрешили поговорить всего пятнадцать минут. Через два года — случайно в портовом городе, где корабль Риллан сел на мель, а Гантр оказался рядом по делам отца.

Четыре встречи за два года. Но между ними летели письма.

Риллан писала ночами, когда замок затихал. Её служанка Милли, худая девушка с вечно испуганными глазами, носила конверты к старой кухарке Герте. Гертта передавала их купцу-перекупщику, который возил шелк в Боптию. Там письма попадали к оруженосцу Гантра, парню по имени Саймон с рыжими волосами и вечной улыбкой.

Сто сорок семь писем за два года.

Она писала о белых скалах Жавании, о том, как отец всё чаще кашляет кровью, о том, что мать стала холоднее льда. Он писал о северных туманах, о том, как брат Сиор каждый день унижает его при дворе, о том, что он начал тайно учиться фехтованию у наемников.

Они не говорили о любви прямо. О любви вообще трудно говорить прямо — легче написать. Они говорили о полёте драконов, о забытых рунах, о том, как пахнет море после шторма. Но каждое письмо заканчивалось одинаково: «Жди».

Риллан хранила все письма в шкатулке с двойным дном. Гантр прятал её локон в переплёте «Истории осад».

Никто не знал. Кроме Гертты, Саймона — и леди Эстель, которая однажды заглянула в комнату Риллан и увидела на столе недописанное письмо.

Эстель ничего не сказала. Она улыбнулась и закрыла дверь. Что у неё было на уме — непонятно до сих пор.

Глава 3

Король Боптии Теодрик умирал долго. Рак съедал его изнутри уже два года, но он держался — не из любви к жизни, а из страха оставить трон старшему сыну.

Сиор был жесток. Это знали все. В двадцать лет он приказал выпороть псаря за то, что тот не поклонился ему в пояс. В двадцать два он изнасиловал дочь кузнеца и бросил её умирать в канаве, кузнец подал жалобу королю, и Теодрик заплатил семье золотом, чтобы замять скандал. В двадцать четыре Сиор убил своего наставника по фехтованию в пьяной драке — объявили несчастным случаем, кто ж проверит.

Гантр не хотел короны. Он хотел только одного чтобы отец успел благословить его брак с Риллан, прежде чем Сиор запрет его в северном поместье.

Теодрик умер в полночь. Сиор короновался в ту же ночь, не дожидаясь утра. Его первым указом было: «Принц Гантр назначается наместником Северных Пустошей. Отбыть немедленно, до рассвета».

Гантра разбудили в два часа ночи. Саймон, его оруженосец, успел сунуть ему в дорожную сумку перо, чернила и неотправленное письмо к Риллан.

— Я передам, что вы уехали, — прошептал Саймон. — Она поймёт.

Гантр не успел попрощаться. Не успел написать последнее письмо. Он смотрел в окно кареты на удаляющиеся огни столицы и впервые в жизни почувствовал не страх — холодную, ровную ярость.

Глава 4

В Жавании новость о смерти Теодрика и восшествии Сиора встретили с тревогой. Король Эдвин созвал совет. Королева Мелисандра сидела рядом с мужем и молчала.

Мелисандра не была рождена для трона. Она родилась в трущобах портового города Торн, в семье пьяницы-рыбака и прачки. В двенадцать лет её продали в бордель. В четырнадцать она сбежала, убив хозяина его же ножом. В шестнадцать прибилась к отряду наёмников «Псы Севера» и стала единственной женщиной в отряде. В двадцать один она спасла принца Эдвина от разбойников, потеряв левую руку — ожог от факела был таким сильным, что кожа

на руке сгорела до кости, но она выжила и отказалась от ампутации. «С двумя руками удобнее, — сказала она тогда. — Но и одной хватит».

Эдвин женился на ней через год. Двор был в шоке. Мелисандра ответила так: на первом же придворном балу она публично выиграла турнир у лучшего рыцаря Жавании, а потом подарила ему его же меч со словами: «Мужчине нужен хотя бы один меч, чтобы защитить свою честь. У меня их три».

Теперь эта женщина с обожжённой рукой и холодными глазами смотрела на мужа и говорила:

— Сиор предложил руку и кинжал. Кинжал означает войну, если откажем.

— Риллан любит Гантра, — возразил Эдвин. — Ты знаешь это. Я знаю это. Весь замок знает это.

— Любовь — это роскошь, которую принцессы не могут себе позволить, — ответила Мелисандра. — Гантр младший сын, изгнанный на Север. У него нет армии, нет денег, нет будущего. Сиор — король. Выбирай.

Эдвин колебался три дня. Риллан упала перед ним на колени. Она показала отцу сто сорок семь писем — каждое заканчивалось словом «жди».

— Он не забудет меня, — сказала Риллан. — И я не забуду его. Если ты выдашь меня за Сиора, ты убьёшь во мне всё, что я есть.

Эдвин заплакал. Но он был королём, а короли плачут только в тишине. Наутро он принял предложение Сиора.

Риллан сожгла письма в камине своей комнаты. Все, кроме одного — того самого, где Гантр написал: «Я строю нечто большее, чем замок. Я строю мост, по которому однажды пройду к тебе». Она спрятала это письмо в ножны кинжала с лилией. И больше никогда не доставала. Но знала, что оно там.

Глава 5

За три дня до свадьбы Риллан попыталась сбежать. План был простой: переодеться служанкой, выйти через кухонные ворота, сесть на лошадь, которая ждала в лесу, и скакать три дня до границы Боптии, где её должен был встретить Саймон.

Всё рухнуло в кухне. Леди Эстель стояла у двери с чашкой чая и улыбалась.

— Куда собралась, сестра?

— Пусти, — сказала Риллан.

— Не пущу, — ответила Эстель. — Не потому, что я злая. А потому, что ты глупая. Ты думаешь, он придёт за тобой? Гантр? Он замерзает на Севере. Он забудет тебя через год.

— Он не забудет.

— Тогда тем более не беги. Если он так тебя любит, пусть докажет. А ты — иди под венец. Страдай. Это единственное, что принцессы умеют хорошо.

Эстель не выдала побег. Она просто стояла в дверях, пока Риллан не вернулась в свою комнату. И ещё долго смотрела ей вслед с улыбкой, в которой было больше боли, чем злости.

Свадьба состоялась через три дня. Риллан была в чёрном платье — цвет траура по её свободе. Сиор поцеловал её в лоб, как сестру.

Гантра в зале не было. Его лучший друг, капитан Олдрик с седой прядью в чёрных волосах, остался в столице под видом торговца вином. Он будет передавать письма. Если получится.

Глава 6

Гантр прибыл в Северные Пустоши через две недели пути. Это была земля вечной мерзлоты, сосновых лесов и замёрзших рек. Единственным пригодным для жизни местом была старая крепость, построенная его прадедом и заброшенная пятьдесят лет назад.

Крыша протекала. В казармах не было дров. Местные жители рыбаки, охотники и несколько семей изгнанных дворян смотрели на нового наместника с недоверием.

— Они думают, что я такой же, как брат, — сказал Гантр Саймону.

— А вы не такой, — ответил оруженосец.

— Докажи им это.

Гантр не стал требовать налогов — он отменил их на год. Не стал строить новый замок — он начал ремонтировать старый своими руками. Работал наравне с плотниками, нёс караулы вместе с солдатами, ел ту же рыбу и пил ту же воду. За три месяца он заслужил уважение. За полгода — любовь. За год — преданность, которая граничила с фанатизмом. Люди видят, когда правитель не просто говорит, а делает.

Но каждую ночь, когда крепость засыпала, он садился писать письмо. Риллан. В пустоту. Он не знал, доходят ли они — Сиор перехватывал почти всё. Но он писал. Потому что если перестать писать, можно перестать верить.

«Сегодня я чинил крышу, — писал он. — Упал с лестницы, сломал два ребра. Саймон ругался. А я думал о том, как ты смеёшься. Ты всегда смеялась, когда я делал что-то нелепое. Не смейся сейчас. Я стану лучше. Я стану тем, кто достоин тебя».

Письмо не дошло. Как и двадцать три до него. Но двадцать четвёртое, через кухарку Герту, которая всё ещё хранила верность, попало к Риллан.

Она прочитала его в своей холодной башне и впервые за много месяцев улыбнулась. А потом спрятала письмо под подушку и долго не могла заснуть.

Глава 7

В первую брачную ночь Риллан заперлась в своих покоях. Сиор выломал дверь с третьего удара. Он был пьян, зол и возбуждён — ему казалось, что жена должна принадлежать ему по праву. Он увидел её на кровати. Она сидела, выпрямив спину, с двумя кинжалами в руках. Левый Гантра, с лилией. Правый подарок Мелисандры, с тонкой полоской яда на лезвии.

— Тронь меня, и умрёшь, — сказала Риллан. — Этот яд не имеет противоядия. Твои лекари даже не поймут, от чего ты умер.

— Ты блефуешь, — сказал Сиор.

— Попробуй.

Он шагнул вперёд. Она не шелохнулась. Он увидел её глаза — в них не было страха. Только спокойствие и готовность умереть.

Сиор остановился в трёх шагах. Он ненавидел её в ту секунду — и восхищался. Он понял, что эта женщина не сломается. Ни угрозами, ни побоями, ни годами одиночества.

— Хорошо, — сказал он. — Живи в своих покоях. Но не позорь меня.

Он ушёл. И не возвращался три года.

Глава 8

Риллан превратила свои комнаты в маленькую крепость. Книги по стенам, травы на подоконниках, карта подземных ходов под ковром. Она не была пленницей — она могла выходить в сад, принимать послов, даже охотиться. Но каждый вечер она возвращалась в пустую спальню и ложилась одна.

Сиор начал пить. Сначала бокал бордового перед сном. Потом кувшин. Потом компанию.

Его первой любовницей стала леди Эрика, вдова с холодными глазами и репутацией женщины, которая пережила трёх мужей. Эрика была умна, хитра и не любила Риллан — она считала, что королева должна либо делить ложе с королём, либо уступить место другой.

Второй стала певичка Айрис из портового кабака. Сиор привёз её во дворец потому, что она была поразительно похожа на Риллан. Та же синева глаз, те же веснушки, даже голос похож — чуть ниже, чуть хриплее, но Риллан с закрытыми глазами нельзя было отличить.

Айрис стала неофициальной королевой. Она сидела на месте Риллан за ужином, носила её перешитые платья, спала в бывшей спальне королевы.

Риллан переселили в северную башню. Там было сыро, холодно, и единственным окном выходила на старую голубятню.

— Тебе идёт это место, — сказала Эстель, пришедшая поглазеть. — Башня для принцессы из башни.

— Ты пришла меня пожалеть или добить? — спросила Риллан.

— Я пришла сказать, что твой муж трахает певичку в твоей постели, — улыбнулась Эстель. — А ты сидишь здесь и ждёшь писем от мальчика, который не может даже проехать через границу.

— Жди, — ответила Риллан.

— Чего?

— Увидишь.

Эстель ушла. А Риллан развернула очередное письмо от Гантра — двадцать седьмое по счёту, принесённое кухаркой Гертой.

Глава 9

Лорд Корин был канцлером Сиора. Ему было шестьдесят лет, его волосы давно побелели, а на мизинце правой руки он носил золотое кольцо-печатку, о котором ходили легенды. Говорили, что кольцо принадлежало некроманту, и тот, кто носит его, может видеть мёртвых.

Корин не подтверждал и не опровергал. Он был лучшим шпионом своего времени, и секрет его успеха был прост: он никогда не говорил правду, если ложь работала лучше. Знаете, такие люди — они опасны не потому, что умны. А потому, что у них нет совести. Точнее, есть, но она спит. И просыпается только когда дело касается семьи.

Теперь он служил Сиору. Не потому, что верил в него. А потому, что Сиор держал в заложниках его внучку Лину.

Лине было девять лет, когда её заперли в монастыре Святой Кости. Монастырь стоял на скале посреди солёного озера — вода в нём была такой едкой, что рыба не водилась, а лодки разъедались за месяц. Единственная связь с миром — подъёмный мост, который открывали три раза в год.

Сиор сказал Корину: «Твоя внучка будет учиться в лучшей школе для благородных девиц. Самые строгие порядки. Самые надёжные стены».

— Это тюрьма, — ответил Корин.

— Это гарантия твоей преданности, — улыбнулся Сиор. — Каждый раз, когда ты подумаешь меня предать, вспомни: Лина спит под каменным сводом, а ключ у меня.

Корин поклонился. И начал ждать.

Он ждал три года. Он прислуживал Сиору, льстил ему, находил для него любовниц и оправдывал казни. Он стал тенью короля — незаметной, полезной, незаменимой. И никто не знал, что тень умеет ждать. А по ночам он писал письма внучке, которые не мог отправить.

«Линочка, — писал он. — Сегодня Сиор повысил налоги на хлеб. Горожане ропшут. Дворяне копят злобу. Я думаю, что скоро начнётся большая игра. Держись. Дед скоро придёт за тобой».

Письма складывались в деревянный ящик под кроватью. К концу третьего года их было сто тринадцать. Он так и не отправил ни одного.

Глава 10

Лине было двенадцать, когда она перестала бояться.

Настоятельница монастыря, мать Севера по прозвищу Агнес фон Торн, носила деревянную ногу и ненавидела Сиора. Когда-то он обесчестил её племянницу и бросил. Племянница повесилась через год. Агнес не простила, но молчала — монастырь существовал на жертвоприношения Сиора.

Взамен она тайно учила Лину шпионскому ремеслу.

— Читать по губам, — говорила Агнес. — Вскрывать письма паром. Различать двадцать видов ядов по запаху. И никогда, слышишь, никогда не доверять человеку, который улыбается слишком широко.

Лина училась быстро. К двенадцати годам она знала всё, что знал её дед. И даже больше: она нашла донощицу Сиора в монастыре.

Сестра Тихана была молодой монахиней с красивым лицом и пустыми глазами. Она не веровала в Бога — она верила в серебро. Каждую неделю она отправляла Сиору отчёт о том, что происходит в монастыре.

Лина не стала её шантажировать. Она пришла к Тихане ночью и сказала:

— Я знаю, что ты делаешь. И я знаю, что у тебя был сын. Его отняли при постриге. Он жив. Я могу узнать, где он, если ты будешь передавать Сиору только то, что я разрешу.

Тихана заплакала. Она не плакала десять лет.

— Кто ты? — прошептала она.

— Девочка, которая не сдаётся, — ответила Лина.

С этого момента Сиор получал только ту информацию, которую одобряла двенадцатилетняя девочка. А Лина получала доступ к его секретным донесениям. И никто, даже её дед, не знал об этом.

Глава 11

Мелисандра редко покидала свои покои. Она не любила двор, не любила церемонии, не любила, когда на неё смотрят. Придворные шептались: королева стара, королева больна, королева скрывает что-то. Они были правы насчёт последнего.

Никто не знал, что под ожогом левой руки Мелисандры скрывалась татуировка-карта. В молодости, когда она служила в отряде «Псы Севера», они напали на след древней гробницы. Гробница принадлежала королю, который правил ещё до того, как люди научились писать.

Внутри не было золота. Был каменный саркофаг, а в нём — книга. Страницы книги были тонкими, как кожа младенца, и покрыты письменами, которые менялись при свете луны. Это был мёртвый язык — язык, на котором говорили драконы.

Мелисандра не умела читать его. Но она запомнила форму каждой буквы. И когда через пять лет нашла татуировщика-некроманта в портовом городе Торн, она заплатила ему своей кровью и бутылкой вина, чтобы он перенёс письмена на её руку.

Татуировка оказалась картой. Она указывала на гору, которую считали легендой — Гнездо Миров, последнее пристанище драконьих яиц. Если высидеть эти яйца — а для этого нужна особая магия, утерянная веками, — можно получить драконов. Оружие страшнее любой армии.

Мелисандра хранила тайну двадцать пять лет. Даже Эдвин не знал. Иногда, ночью, когда муж засыпал, она смотрела на свою руку и видела, как письмена слабо светятся в темноте.

«Не время, — шептала она. — Ещё не время».

Глава 12

Через полтора года после свадьбы в жизни Риллан появился неожиданный союзник.

Эстер была новой служанкой, которую поставил к ней лорд Корин. Худая, молчаливая женщина лет тридцати с глубокими морщинами вокруг глаз и татуировкой на запястье — череп с розой.

Однажды ночью Эстер сказала:

— Я была любовницей Сиора. Он обещал жениться. Вместо этого продал в бордель. Я сбежала через три года. Корин нашёл меня, вылечил, привёл сюда.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила Риллан.

— Чтобы ты знала: я ненавижу его больше, чем ты. И я помогу тебе убить его, если понадобится.

— Я не хочу его убивать, — сказала Риллан. — Я хочу быть свободной.

— Это одно и то же, — ответила Эстер. И Риллан не нашла, что возразить.

Они не стали подругами. Но они стали сообщницами. Эстер носила письма, которые не могла носить Герта. Следила за передвижениями Сиора. Узнавала имена его любовниц, их слабости, их секреты.

Айрис, певичка, оказалась не такой уж глупой. Она заметила, что за ней следят, и однажды поймала Эстер в коридоре.

— Ты работаешь на неё, — сказала Айрис. — На королеву.

— А ты работаешь на него, — ответила Эстер. — И что с того?

Айрис помолчала. Потом сказала:

— Он бьёт меня. Когда пьяный. Говорит, что я похожа на неё, но я — дешёвая подделка.

— Тебе жаль себя?

— Мне жаль её, — ответила Айрис. — Потому что она хотя бы не сдалась. А я сдалась в первый же день.

Они не заключили союза. Но с того дня Айрис иногда «случайно» оставляла дверь в кабинет Сиора незапертой. Или «забывала» убрать со стола письма, которые не должна была видеть Эстер. Маленькие предательства. Каждое из них стоило жизни, если бы Сиор узнал. Но он был пьян слишком часто, чтобы замечать.

Глава 13

Гантр назвал свою крепость «Скорбь» — не из-за печали, а потому что на старом языке это слово означало «место, где ждут». Он ждал три года. И строил.

Под землёй, ниже фундамента, его люди прорыли тоннель. Не просто подкоп — настоящую дорогу, по которой могла пройти армия. Старая дренажная система времён прадеда соединяла Север с окраиной столицы. Гантр расширил её, укрепил, замаскировал. Никто не знал. Даже Саймон не знал всего. Он собирал людей. Не солдат — обиженных. Тех, у кого Сиор отнял земли, жён, сыновей, дочерей, смысл жизни.

Трактирщица Магда потеряла ребёнка. Сиор бросил её беременной, а когда она родила мёртвого мальчика, прислал серебряную монету и записку: «На похороны». Магда закопала монету вместе с сыном и поклялась, что Сиор умрёт от её руки. Она ждала своего часа три года. И будет ждать ещё сколько нужно.

Кузнец Хью был лучшим оружейником в Боптии. Сиор заказал ему тысячу мечей, заплатил половину, а когда Хью потребовал остальное, обвинил в подделке монет. Мастерскую ото-

брали, Хью бросили в долговую яму. Гантр выкупил его через подставное лицо. Хью не поверил сначала — думал, ловушка. Потом поверил. И стал лучшим другом Гантра на Севере.

Семеро солдат из личной гвардии Сиора. Их преступление было разным: кто-то не поклонился, кто-то заступился за избитую женщину, кто-то просто оказался не в том месте. Сиор выгнал их без пенсии, без рекомендаций, без права найти новую работу.

Гантр не обещал им золота. Он обещал справедливость.

— Я не буду вашим королём, — сказал он на тайной сходке в подвалах «Скорби». — Я буду вашим оружием. Направьте меня, и я ударю.

Кузнец Хью ударил кулаком по столу: «Я с тобой». Магда кивнула. Солдаты встали.

Четыре тысячи человек за три года. Не армия — семья.

Глава 14

Через два с половиной года изгнания Гантр понял: время вышло. Он больше не мог ждать. Риллан была в башне, Сиор пил и бесновался, а письма перестали доходить — Сиор перехватил голубятню.

Гантр написал Мелисandre Жаванской напрямую. Без посредников. Без шифра. Без страха.

«Ваше Величество, — писал он. — Ваша дочь спит в башне без отопления. Я сплю на плаще. Объединим армии — и я верну ей трон. И ваш зять получит по заслугам. Я не прошу веры. Я прошу шанса. Дайте мне один город — и я докажу, что я не такой, как мой брат».

Мелисandra не отвечала три недели. Гантр уже решил, что письмо перехватили, что его план раскрыт, что Сиор идёт на Север с карательной армией. Он не спал ночами. Саймон говорил, что он похож на мертвеца.

Но ответ пришёл. Одно предложение, написанное твёрдым, мужским почерком (Мелисandra научилась писать левой рукой, когда правая сторе́ла):

«Возьми Форт Камней. Тогда поговорим».

Форт Камней стоял на границе между Боптией и Жаванией. Это была неприступная твердыня — стены из чёрного камня, ров с кипящей смолой, гарнизон в тысячу человек. Его не брали двести лет.

Гантр взял его за три дня.

Он не штурмовал. Он подкупил повара. Повар ненавидел Сиора за казнь брата-дезертира. Гантр пообещал ему место на своей кухне и право носить меч. Повар согласился.

В ночь перед штурмом он добавил снотворное в похлёбку гарнизона. Тысяча человек уснули. Гантр и его люди вошли через задние ворота, которые повар открыл лично.

Форт пал без единого выстрела.

Новость разлетелась за неделю. Гантр стал героем. К нему потянулись новые люди — те, кто ещё вчера сомневался, а сегодня хотел быть на стороне победителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.